

Неспящее

... око... во третьей руке жертвы моей обличил ересь, и...

Гулкая тишина расходящегося к нескончаемым граничаниям бесплотного твёрдостию своею бетона звона. Гигант аггелом нарёк себя, и преисподнею стало то, что гигант не мог утратить души своей, ибо с появлением гигантов стало возможно нечто совершенно безобразное, и стали души перерождаться неупокоениями, покавест Владимир-Иоанн не явил новых людей.

Лёгкость: общем, именно лёгкость я почувствовал, когда оказалось, что в городе более никого нет. Всё опустело: всё изнемогло пустотою, и уже ничего не скребло, не билось и не становилось в протяжённом близостию с морем граде. Первым, что придёт в ума людей, узнавших о моём положении, будет совет выйти за границы города: впрочем, я вполне могу объяснить основания подобных мыслей: человек может подумать, будто одиночество станет мне мучительным, и действительно: действительно, одиночество довольно малопривно в том смысле, что рассудок омутняется довольно скоро, однако здесь же необходимо учесть, что во том отсутствует нечто, могущее утвердить качество моего безумия: если в городе нет людей, никто не может уверить меня окончательно в моей безрассудности. Так, один из главных факторов, могущих меня отвратить от должности подобного положения, сходит, и остаются только: безграничные ресурсы, включая во то и множество мест, о которых я могу полагаться, совершенное душевное спокойствие и, что гораздо важнее, совершенная свобода. Более я не обременён службой или сложностью социальных отношений. У меня не было супруги или детей, и потому положение моё оказалось даже чрезвычайно приятно.

Разумеется, сперва я претерпевал те же неизбежные адаптивные этапы становления ума своего во новом положении, кои претерпел бы любой из столкнувшихся с подобной ситуацией: удивлённый, даже, впрочем, сокрушённый, я бродил по городу долго и даже слишком долго: я полагал, будто то сон или... или я что-то проспал: будто я пропустил нечто такой важности, что нарекло бы совершенно невозможным исключение подобного рода. Раздумывая о причинах инцидента, я отказался от идеи о некоторой катастрофе, обязательно заставившей абсолютное множество населения города одномоментно куда-то переместиться: если все, совершенно все разом кинулись бы бежать, то в том стались бы неизбежные случайные жертвы наподобие прыгнувших из окон полагающихся выше первого этажей или споткнувшихся и погребённых в давке: в городе ничего подобного не было, и не было также ничего, что хоть еле касающейся правдоподобного намёка на действительные события неточностью могло бы навести на природу катастрофы. Было чувство даже... было чувство,

будто все в городе: все, кроме меня, сошли в воду: сошли в воду и... и обратились рыбой или иным существом, могущим остаться в воде осреди живых. В ходе самых разнообразных измышлений по этому поводу я пришёл к тому, что ход подобной мысли наиболее последователен, и в крайней фантастичности подобного положения виновато именно то, что всё из окружающего меня теперь становилось не сильно правдоподобнее или привычнее такого домысла. Почти все двери почти всех помещений были открыты нараспашку, и всё полагалось в точности с тем, как полагалось бы, оставь это всё люди собственной рассудочной волей: в том числе благодаря этому хождения по городу и изыскания в нем давались мне чрезвычайно легко. Административные и жилые здания, больницы, лавки, частные домики, сараи: все места, где можно было спать, были открыты. Общем, противное и не являлось бы для меня значительным бедствием: уже спустя одну неделю я перестал стыдиться закона: точнее, перестал учитывать нечто подобное в силу особенностей своего положения, и потому настоящая безграничность ресурсов началась именно теперь.

Если ранее я ещё оставлял у во многом располагающих уже и испорченными продуктами прилавков свои сбережения, как раз и окончившиеся с этим сроком, то после я перестал жить привычной жизнью. Деньги, необходимость деятельности и соблюдения приличия стали не неучтими, но спарились: я более не понимал этого, не думал этим и не заботил себя подобным. Я не верил в Бога или богов: я честно служил, и особенность моя, как мне казалось, состояла только в честности. Эта честность не была подвижнической или хоть сколько-нибудь особенной, и едва бы я вовсе омыслил бы о выделении подобного самостоятельного качества, если бы не наблюдал каждый день уродства ближнего. Я видел это, и мне становилось страшно: мне было противно, и от того я старался отдалиться.

Особенно удивлялся я тому, что пропали все существа: пропали ведь не только люди, грешники или праведники: пропали все: пропал скот, пропали птицы, насекомые, членистоногие и даже рыбы в окрестности города. Значит, всё не могло быть следствием человеческого умысла: значит, всё есть результат вещи гораздо более глубокой, более сложной... вещи, ставящей идеи единственной честности моей под явление краткой гносеологической неразрешённости, да оттого: оттого мне не было обидно или страшно: я удивительно недалёковидною халатностью смирился с этим, и так я продолжил жить.

Сухие, спелые матовым жаром вдаряющего в еле проглядываемые наветренностию лежащегося тяжелениями упрочивающегося остранистиями осветившихся особливостями волн сил вдарения песка частички солнца сушили глаза мои, и мягко ступающие по песку ноги оставляли в безвестности пустыни редкие, пунктирующие часто сбивающиеся пытающимися означить каждую деталь петлями точки шажки. Сперва я жил у озера. Небольшие деревянные, устраивающие исключительно сон домики отстояли в

теньке, и лето всё прочнее основывало те неоконченные, ударяющие небеспокойными шуршаниями полагающегося ко темноте зноя волны: место это было курортным, хотя и довольно заурядным из выборки близких себе ранее: отстоящее на деревянных, звонко трескающихся при моих хождениях там почерневших, окрывшихся плесенью брёвнах кафе казалось таким обветшалым, таким неуверенным своею несвершённостью и худым, и всё же оно принадлежало мне целиком: всё это было моим, и всё было свободой: я не чувствовал той трупной холодности отсутствия сгрызающих становящиеся предпочтительностью их сала мои комаров и во грехе своём остукивающих деревом камень людей: я не был обременён ничем, чем были бы обременены прочие в моём положении: я наслаждался одиночеством и свободой, и сперва: сперва, кажется, даже пробуждались во мне названия пантократора, названия деспота, совершенной расточительностью употребляющего ресурсы и возможности свои, однако и то очень скоро мне перестало быть интересным: высокие, обломанные в своих основаниях сухие непрочные деревья вскоре пристали мне обыденностью и даже противной избыточностью: природа была довольно неказиста, тяжела и глуха: во всех этих курортных домиках, на ощёлкивающемся горениями проходящихся заурядною повторённостью лучей пляже и в прекратившей свои озеленения воде меня преследовал всё тот же шум ветра, который я мог наблюдать в канцелярии, и это мне не нравилось. Странно, да и: да и всё, что произошло со мной с момента исчезновения существ с города, было самым неестественным и недолжным; странно, но именно город, в котором я годами работал, где я родился и учился всю жизнь, избавил меня от шума гадких, безобразных своей слабостью людей: людей, что только порождали боль, что только наслаивали прежде сорванные гряды становящих в человеке уродство страданий.

Я осел в городе: в самом центре его, где раньше и не мечтал бы жить, и новина эта: эта мертвенная новина правда действовала на меня некоторое время душеспасительно: холодный, обогревающийся днём и стремящийся погубить меня ночью камень не надоедал, и пошловатые неуместностью современности барельефы соседних домов особенною ясностью выделяли срывающуюся непрекращающуюся, обнаруженную мною единственной ценностью качеств этих работой над тем привлекательность свою: я неспеша любовался, неспеша ходил и неспеша ел, однако со временем любоваться стало нечем, ибо всё приелось или повторялось; ходить мне более не нравилось, хотя упражнения и уже вполне отлаженные своей регулярностью занятия спортом я не прекращал, а еда... мясо и рыба тухли, и город наполнялся тяжёлым, съедающим кислотой своею мокрые жиры мои запахом гниения: я старался игнорировать это, однако город грубел: он безвесным, стачивающим окружности свои во неокрадениях мест освоих пушечным ядром оседал в себе, и порой, когда я допускал в себе подобные мысли, казалось, будто город свернётся: будто день не наступит, и затхлость

одубевших полов сменится пустотой: пустотой, подобной той, которая некогда сменила всё население города. Город гнил, и я перешёл на безмясную диету. Снова поразительно, но диета укрепила во мне желание оследовать большею внимательностью то, что представляет сейчас моя жизнь: регулярность тренировок осталась во непрекратимости упражнений, и некоторое время я даже пытался исследовать Душу: я пытался не только подчинить себе плоть, но и Её, что у меня, впрочем, не получилось. У меня было время, в безграничность которого я мог бы прочитать библиотеки литератур самых разных толков, однако мне было скучно: то ли от осознания, что аспект социального, присутствующий почти везде и занимающий довольно значительное значение почти во всём, уже никогда меня не коснётся, причём я явственно несменённою тезиса был уверен в том, и мне даже неприятно стало думать о противном, о возвращении мира в его прежнюю форму, даже сама мысль о поисках других людей казалась мне попросту непродуктивной и недолжной; то ли от обыкновенной избалованности, от того, что литература предполагала распространение своей мысли, которую я передать никому не мог и не желал, а для себя же я то не причитал достаточной важностью: чтение меня попросту не увлекало, хотя частыми вечерами я и занимал себя им, и вечера подобные чуть не становились неисклнчительной основой всего моего времяпрепровождения, ибо днём я только ходил: я бездельным молчанием бродил по ставенеющимся звучными отголосками дубений прекращающегося здесь спокойственностью лени воздуха бесконечным коридорам, и это меня вполне устраивало. Это устраивало меня, хотя имплицитным знанием во всех хождениях моих будто пробивалось желание обнаружить что-то новое: найти что-то, основательно изучить и создать, да... да ничего подобного я сделать не мог. Меня не интересовали науки о Духе: я отказался от них, и в этом не нашёл ничего необыкновенного: думается, имей я к ним чуткость, не смог бы сохранить трезвый рассудок во подобной обстоятельстве. Я думал. Я думал неспешно, однако с уверенной необходимостью обнаружить направление, в котором мне нужно двигаться: линию пути, что направит меня и наставит на дело, которое займёт в безграничной, ошевеливающейся зелнениями краснеющих сизоватыми упириями отказавшейся от меня отдалёнными стояниями обескоженного, смывающего ожелтевшие тела свои падающими к грязным бетонам каплями, народившего на голове своей отрупевшей мыслные длинные колья человека смерти бликов пустоте.

Беззвучная рокошующая пустота не давила на меня, однако мне становилось скучно: скука эта, кажется, была именно богопротивной, да ничего от признания того я делать не решался: точнее, не хотел: я не хотел одымлять покои свои греческим маслом или падать во блюде: возможности, что были мне даны, словно со моими же изначальными порождениями не могли воспалить во мне плотскую волю: с самого начала я не имел к ней слабости, и само же явление её мне казалось странным: я так и не понял, как она может подобным образом

овлекать отдельных людей и как люди соглашались сточать душу свою на эти незначительные уродства.

Я совершал упражнения: совершал их много, качественно и усердно, и до октября я даже видел чрезвычайно быстрый прогресс, после сильно притупившийся и скорее охраняющий мои прошлые форму и силу: я стал довольно силён, однако ритуалы свои не прекращал. Вместе с тем я всё же нашёл занятие, положительно отвечающее наконец моему желанию обрести значительные способности тела, никак не связанные с вождением человеческой власти: я стал разрабатывать усиливающие силу шага и иных действий соответствующей артикуляции обуви: оперво чертежи мои были столь схематичны, что едва отражали и допускающую довольно отклонения от теоретической точности реальность, однако многочисленность причиняющихся скорее небрежному, оставленному на ожелтевших остаревших листах наброску штрихов отчего-то рождала во мне уверенность в достоинстве проделанной работы. Когда чертежи были закончены, я ясно понимал, что сделать выдуманное невозможно: конечно, некоторую последовательность обоснованности принципов работы устройства я всё же соблюдал, и детали, описанные в чертежах, было возможно сделать и в одиночку, однако то требовало бы почти безграничной силы воли и крайнего мастерства: я знал, что подобные труды на предмете своём всегда тратят более нервов, времени и материала, чем думается при описании чертежа: столь же случающегося в конечном счёте отдалённого от реальности, сколь и совершенно неупотребимого и посредственного. Вооружась некоторыми рисунками мастеров, найденными при заводах, я стал неллинейною оторванностью изучать различное и основания наук своих дело, и отдельные станки даже сумели мне помочь, хотя в конечном счёте большую часть деталей я вылил и сточил самостоятельно, и стачивал я их не часами, но сутками: в темноте пелены могильно холодеющего города одна только комнатка горела оранжеватыми огнями моего энтузиазма, и дело это действительно захватило меня полностью: пока я делал одну пружину, сумелось выдумать деталь для компрессионных, сильно рябящих творческой новинкой во сравнении с заданным во трудах мастеров поршней, чтобы всё получилось хоть едкою сотою частью своей так, как я это представлял и хотел: когда я вылил озданную скорее в бреду полностью захваченного работой, расплачивающегося в лихорадке растрачивающегося одновременно на десять продолжений интереса своего успешно окованным нескончаемостью положения настоящего временем человека деталь для поршня, удалось собрать некоторый крепкий, удивительно удачно сложившийся единою структурой во всех тех безумиях непоследовательности, которой я не боялся и которой даже был доволен, остоу для костюма овсему телу, который после необходимо было только объединить: только проверить и уточнить в нём детали, и тогда: тогда всё будет готово: тогда я соберу костюм, что сможет

расширить для меня город: крыши, что меня попросту не интересовали, я изучу одною только практикой своего костюма: теперь это наконец стало костюмом, не остовом, обувью, соединением различных механизмов или перчаткой: то есть металлическое нечто, которое пока отстояло только в абстрактной, представленной во столах работ моих будто и лишённых соединений трубками, шипами и лесками сложности: я ещё не опробовал эти устройства: я ещё не употребил на практике механизмы с блестящей сбиваниями сил своих чернотой своей блоками, которые с самого основания того выдумал полностью сам, только учитывая зачастую чрезвычайно малоинтересных вымученностью жанра работы мастеров: я занимался этим день и ночь: просыпаясь, я крайнею самоотдачею бегал, упражнялся известными мне упражнениями, готовил безвкусные, одно удовлетворяющие потребности желудков моих каши на утро и вечер, находил соленья или прочие заготовки, которые справедливо употребить и после продолжительного отсутствия оздателей тех продуктов, и сразу же садился за свои механизмы.

Я переехал: точнее, впервые в конце лета я основался где-то на продолжительное время: в одном из корпусов Воспитательного Дома моего города полагаются довольно специфические подземные помещения, употребительную природу которых я не понимаю и до сих пор: в здании, исследованном подобною внимательностью совершенно случайно и сходном внешностью своею почти с любым прочним домом в центре города, был проход, окрытый цепью, и именно цепь эта более всего меня привлекла: тяжёлая оржавевшая жирная цепь свисала самым недолжным обликом своим, и в темноте мгистого гулом безжизненности корпуса я несколько раз рубанул топором, оставив толстые, прошедшиеся сквозь дерево в совершенной близости с моими ногами осечки. Пройдя со свечой до упора, я уточнил только всё более прочно сточняющуюся к тем рыхлым несовершенствам стен и пола, иногда чуть заметно режущим мои руки, без того сильно сказавшиеся уже зажившими краснотою рябых некрупных бугоров рубцами и свежими, остывшими внешностью куда более состарившиеся во сухостях недавних заживлений своих ранами от инструментов, используемых при изготовлении костюмов, влагу: после двадцати метров прямого, неизменно становящегося грубее контурами своих ляповатых граничий коридора встретился мне поворот направо, который я обозвал Поворотом Гни: после поворота этого стена чуть сужалась и во пяти метрах приходила к ставшему после таковым во признании моём Повороту Жабьему, от которого спускалась облитая чуть сточенным во жаре еле доходящегося сюда воздуха бетоном лестница: с первой ступени ко верху сходила широкая диаметром, справляющаяся еле пробивающимися озорами своими во ночах темноты подтёками ржавчины труба, видимо, должная поставлять свежий воздух: с задачей своей она справлялась довольно посредственно; второй нижний ярус усложнялся Перекрёстком Рыл Спасений Волий, Сверённым Коридором

Округа и четырьмя поворотами Шостиновых Паданий: на третий ярус вела уже привычная деревянная, чуть подгнившая и могущая сперва вовсе навсегда заточить меня здесь лестница; третий ярус чрезвычайно сложен, и в нём я шорканьем обелеющего, видимо, многовековой бетон преснениями довольно сильно съеденных здесь чернотой не света светов своих камня подписал почти каждый поворот, запомнив должную последовательность добирания до Зала исключительно от названий: почти каждый именно потому, что даже в десятичасовых хождениях по пространствам этим я не могу сказать уверенно, что места эти неизменны: я много думал об этом, и очень многое складывалось со временем теорией и вполне объяснимой, даже последовательной своей смиренной традиционностью: однако повороты меняются: я должен следовать именно последовательности названий, когда углы эти могут меняться местами, ибо во противном случае я никуда не дойду: не исключаю, что дойти в таком случае можно и во вполне конкретное место, однако место это я находить не собираюсь.

Почему я выбрал подобное расположение? Вероятно, само оно не предлагало мне выбора, и при появлении в Главном Зале, в помещении, оканчивающем все эти бетонные лабиринты во представленном чрезвычайно продолжительным широтою распространённости своей пространстве, я ясно увидел будущность моей мастерской: подобной же мастерской могли бы стать пещера или лес, однако случилось это именно здесь, и именно сюда я перенёс все свои пожитки, если таковым то и справедливо назвать.

Я пытался рыть выход с поверхности к Залу. Я рыл трижды, четырежды и даже десять раз, да ни разу я в той глубине не доходил до хотя бы одной из развилок лабиринта при том даже условии, что расчёты мои были и излишне строги. Когда же рыть я начал с потолка: точнее, когда начал долбить потолок помещения и уже после прорывать землю сверху, я смог выйти ко второму и даже первому ярусам, и с тем же успехом выйти на улицу, где бывшие мои pytania отстояли в чрезвычайной отдалённости: теперь я мог точно сказать, что любое необыкновенное изменение окружного может определить особенность моего Зала из бетона. Несмотря на кажущую усердность работы над обустройством рабочего места и исполнения необходимых ритуалов, я едва мог сравнить подобное с упорством, которое прикладывал каждые двадцать минут при работе над механизмами: каждая секунда работы моей требовало страшные концентрацию, силу ума и творческую продуктивность, и ни секунды во означенном необходимости труда над костюмом времени я не проводил впустую. Я сделал подобие лифтового подъёмника с поверхности земли к залу и обратно, поскольку в сам зал относить материалы чрезвычайно тяжело, и тот же костюм я бы не смог поднять по тем нескончаемым, шепчущим останываниями слабостей своих и ограниченности наставшихся во том всё же главною качественностию мест этих широт пустотам.

Я работал: я просыпался, делал необходимое, и всегда только самое необходимое в своей невыраженной кратности, и, обособляя всё прочее, что также могло в равной степени называться таковым, трудился: рассудок мой незвонкою шершавостию бесцветности тупел, и я держал в голове только механизмы: только костюм, поверхностностию своего несовершенства оплёвывающий ко мне жестяные чернения сваренных должностию остояния того шестов, интересовал меня, и только он наполнял мысли мои.

За тем прошла надорвавшая былые ясности всё же оставшегося скорее последностию того, за что в положении моём ещё можно было оцепиться, благополучия ума моего вечность, в которую худеющие взбухшими чёрными мешками под глазами тела провели за нескончаемо окрывающими нагие применимою овнови и овнови бурдовостию мышцы мои ранами и свистом изрыгающих металлический, облёскивающийся серебристой, остающейся во полах тех стружкой лязг механизмов.

Остался один день: уже завтра я надену костюм: уже завтра я впервые опробую его: я надену его, и мысль эта давалось мне крайнею, даже несносимою во неверии наконецтошьего наступления момента, к которому я самозабвенным наглым интересом приложил последние полгода, тяжестию: я не понимал, что есть надеть, и не понимал, как я раньше мог вообразить себе подобное: сейчас я умел только работать над механизмами: только браковать оставленное опрinyaностию формы железо и раздумывать о последующих трудах, но не опробовать наконец плод моих стараний. Декабрь тяжелел: в городе уже нельзя было находиться без колющих излишнестью применённой некогда моей наглостью роскоши своей мехов, и в Зале подобное же положение продолжалось: завтра я разденусь: в помутившемся единственностию мысли сознании проявлялись только приходящиеся ко правде чувства: чувства, что я мог бы испытывать, но не испытывал: чувства, что я могу испытывать, да не испытываю.

В ползущей вочиняющимися безобразностию волнистых оприсутственных рыл узорами мгле Зала я сидел в абсолютной тишине, и только редкие стоны усталости и готовности заснуть пробивались во мне: за матрасом, на котором я спал и отдыхал, петляла своим дерзким тонким хвостиком бледнеющая несверённостию полнот освоих свеча, и за свечой, когда я уже готовился пасть растягивающим слабости мои уже конечным изнеможением сном, стояло невысокое создание: безвласое, орозовевшееся иногда сальфериновыми уколами рыхлых, сменяющихся бликами беления тел язвами тело его будто и подражало человеческому, карликовскому, да морда походила скорее на сплюсненную сорванным влажными, оспалёнными теми же пятнами лишая складками ртом ослиную, оставшую древенеющую плотностию чуть проливающегося влажнкостию пота хряща уши свои во стоячем положении, и большие, наявленные животным бредом глаза его не имели век: они также были сильно воспалены, и темнеющие контуры бугров тел его обличали костлявое,

столь же испуганное упирание во глаза мои, и оно упёрлось в меня, и я лёг: я не мог заснуть, ибо слышал рядом мелкие, подобные частым стеклянным копытчатым шажки, и существо, кажется, хотело разглядеть меня, да чернота петляющего чернения ветвей нервов своих уродства его отяжелела в памяти, и потерял ум свой я только во совершенном бессилии, наступившем ближе к утру.

Проснувшись, я был безумен, однако ужас новой мысли во произошедшем сравнил меня с делом: я свернулся в кокон трудов своих, и в день этот был, как я думал, закончен мой костюм. Я поместил кажущуюся сперва крайнею несостоятельною наположенностию больного рассудка, решившего сделать одними омазовевшими во частной старости и общей блестящей новине моих изготовлений пружинами, серебристыми трубами и белеющими во тонкости своей лесками работающие механизмы, на деле требующие чрезвычайно тонкого подхода к себе, рухлядь на лифт, поднялся на поверхность, подошёл к выходу с лифта и поднял тяжёлый, не поддающийся воле моих перемещений без иных конструкций на колёсиках костюм: с минуту я ещё глядел на сверкающие металлом развалины многомесячных усилий своих, и начал я надевать это: уже в первые минуты оказалось, что размер мне был несколько мал, однако я продолжал пытаться надеть это на себя: я порезал ногу и чуть надломил бахнувший тупой болью ноготь на пальце, однако объединить пять сегментов в сердцевине, полагающейся ко груди, мне всё же удалось: сердцевина сплетала лески вместе, и при основании механизма этого я решил упростить всё разовым действием, и только одною секундой я успел вспомнить, что пазы концов пальцев должны были также соединяться прочной пружиной, как писк, издавшийся сердцевинной, сорвал плюхнувшиеся шепотливым грохотом лески и сдавил железными клиньями, должны были держать руки в прочном положении, справедливом также вторичным управлением корпуса, в окнутое жирными разрывами стягивающихся шёлковостию ткани кож и глухими сломами костей мясо: мои руки были раздроблены, и с бесчувственным громогласным воплем, который и не стремился к кому-то воззвать, я окричал ко всему городу и упал: в судороге я смазывал случившийся при надевании костюма пот с чёрной маслянистой вязкой кровью, стекающей с укороченных мешками серебристых оков рук моих, и во далеке: я, чуть соображающий ещё должности происходящего, увидел силуэт: силуэт, кажется, человеческий и, кажется, достигающий за туманную расплывчатостью образов заводов и домов высотой своею трёхсот метров.

Во сале крови моей хрящи и кости хрустят жирным одрожающимся раскатом судороги, и ониковые ветви слияний руд моих проливаются во железных, теперь омазовевших скрепах полнеющегося одваиванием размеров человеческих костюма, и приходящиеся округ длинные, надолжные опружинивать становящиеся отне того значительно сильнее суставы отдельные спицы выпадают из установленных для рук граничений, останавливаясь во прямой

отставленности отне тел моих, и во непродолжительном молчании смывающихся непресностию неб кровей рвётся кожа на предплечье, и во проявляющей довольные обнажения ран при общей устоенной вношности своей конструкции этой я вижу раскрывшийся пестроватою воглублённостью восставленных уколами сдирающихся накрённости навоовленных сближающей смерти мои ко тому кровопотерей облеганий слоёв падений жир, и побелевшие щёлканьями всё продолжающих срываться и биться друг о друга механизмов губы мои стягиваются болезною бледною хладностию, и смеченеющиеся во разные стороны глаза мои приправляются ко центру своему, и попытался я дрожащими, краснеющими ветвями содаряющихся чернениями вен сосудов руками сместить немного механизм на груди своей, да тем тупым грохотом по голове моей ударило подобие упавшего ко лицу отне задних сторон шлема, и шлем этот необработанными краями своими снял легко плюхнувшуюся вниз и прилипшую к ставням скрепившего то металла кожу мою с щёк, и краткие круглые отверстия, неровностями огрызков спиленные в нём для глаз, под темнотою тени окрывали пожелтевшие лопнувшими листьями слоёв своих капиллярами глаза, и одно веко сорвал шлем тот, и шлѣпнулось тогда оно на железную, навывшающую на долгих тяжѣлых, сокрытых множественностями своими во отдельности оболочек пружинах обуви мою, и остоял я во молчании мгновение, и вырвало шлем бахнувшей сверху слоистыми излияниями щѣк кровью, и пошатнулся я, и упал я на спину: оставшиеся самостоятельными пребивчивыми частыми, напоминающими скорее движения лапок насекомых движениями механизмы прешевелились произвольною самостоятельностью, и укусывали спицы и тяжѣлые крупные, соединяющие те и пружины блоки оголѣнное рваньѣм стянувшихся к костюму, ставшихся скорее уже и частию его одежд тело моѣ, и опотевшие белые конечности мои дрожали, и бился я во слабости своей, и стошнило меня чѣрным, просочившимся к обелевшим краями нарывов ранам поносом, и омочился я плюхнувшееся болезнью тела нуждою ко более не скрипящим там механизмам, и одно из множества таковых движений костюма впало ко руке моей правой, впившись в ладонь, откусив тупым глухим, до последнего оставшегося в уме моѣм прочнестью иной причины хрустом большой палец и зычным свистом отбросив две фаланги со кожею, снявшеюся со пястной кости толстым слоем сипнувшего снятостью своею мяса, и кость эта торчала с костюма, часто стучаясь трениями обо блоки, и я терял сознание: ум мой помутнился ударяюще гулом раската пустотою города окончательно, и даже полезно то было наконецтошым падениям моим: когда я был оставлен городу, у меня не стало боле возможности долго прожить: запасов хватило бы надолго, однако ум мой... чем было то существо, которое я вчера увидел? если подумать теперь основательно, это на краткую сотую мгновения успокоило меня: оно походило на что-то среднее между голым землекопом

и обмазанным маслом, умирающим от ихтиоза новорождённым, и... люди, объединённые своею природой с небом...

Небо белело, и я всё менее различал сменившиеся оттенки его, и тогда: тогда примерно в километре от меня возник гигант: возник в той стороне, куда я не смотрел, вероятно, бессознательно не желая вновь видеть ту галлюцинацию: гигант шёл ко мне: прежде грубые размытые очертания его уточнялись и редели, и я начинал различать сильные руки, мощные ноги и безоргановое тело, и лицо его: лицо, продолжающее бледный серовато-голубой цвет остальной плоти своей, оставалось трупною бесчувственной гримасой, и видение это двигалось: двигалось ко мне, и движение это становилось подозрительно правдоподобным, и одрогающиеся чудовищными, оставляющими обломки гигантских, разрывающих земли раскатами взрывов стен сломами дома в том отдалении бросали во сторону мою чудом долетающие только мимо многотонные, режущие вырывающиеся хлюпающими, спадающими ото прыгающей колоссальными, улетающими во преснения подобными железным искажениями своими дома ломтями почвы корнями деревья и сменяющуюся образующимися рядом дырами землю камни, и ленивые шаги гиганта причиняли ко овсему безжалостно падающие домами катастрофы ураганы, воды, с которых он в том ещё остранении сходил, нарывались исполинскими, влетающими монструозным ужасом ко облизаниям моим волнами, и туманы вдаряющих лица мои баханьем несносимых плин ветров срывали куски спиц с костюма, и меня повело: повело сокрушающей, стихийной, не дающей возможности ко апелляции или обдумыванию силой: меня снесло многотысячными ударами, и кривились блоки и спицы костюма, и от ветров этих вовсе бы улетел я на нескончаемые высоты, да опавшая комьями костей, связок, мышц и кож рукам моя зацепилась во железном заточении том края лифта, и тело моё бултыхал воздух во самых неприглядных, самых несносимых ветрениями боли образах, и тогда: тогда, когда осколками разорвавшихся в домах стёкол мне порезали всё тело, окромя лица, заточённого во укрывающей ото прямых попаданий острейших, причиняющихся справедливости слабости моей во совершенной невозможности воли ножей пластине, когда нежными, свистящими во ураганах шагов гиганта лоскутами тело моё отбрасывало сальные шматы решившихся излишним кож, когда отне одних медленных подвижений существа этого орывались дубеющие мертвенною сокрушимостию здания и леса: тогда: именно тогда, когда я ничего не мог сделать: когда я безвесым флигелем мотылял во незаинтересованной власти гиганта, я испугался: страх, впервые встретившийся мне с момента пропажи людей, парализовал меня: он не давал мне дышать, думать и видеть, и я молился: я молился, дабы орвавшаяся с дома стена не размозжила мне череп, не скривила шлем так, чтобы медленно вытекающий мозг ещё продолжался во умах моих, и обездвиженные ужасом тела мои напряглись: напряглись во болезни своей

довольно несильно, однако: однако рука моя резким ударом могла противостоять урагану: однако движение моё помогло мне зацепиться за ближайшие ставни лифта, и тем же движением я оторвал с плеча другую руку свою, не вооставляющую уже совершенно никакой власти моей, и я кричал: кричал не от боли, ибо давно бы перестал я владеть мыслью, имей в себе хоть пятую часть той боли, что мне сейчас причинялась: я кричал протестом: я кричал восстанием, и во неслышных, дерущих глотки мои пухлыми жижам крови, смывающейся во шлем и даже чуть не утопившей меня опред нарывами смеченевших одно плевками озрений тех во вдаривших самостию способностей же ветрах сил, становляющихся со высоты гиганта только смешным ядовитым писком воплях этих, и глаза мои окрылись чёрною кровью, и стала кожа моя тёмно-фиолетовой, и сорвал я ставень лифта, и подпрыгнул я оглушившим, лишившим меня с тем же голоса криком, и встал я: с меня смывались во урагане приближений гиганта одежды и куски тела, однако я был силён: я топнул: топнул без какой-либо цели: топнул только ради себя, да взбухший комьями сжатого пиявками свершеющихся хладными грубыми осколами умираний воздуха топот этот расколол щёлкнувшую громом бетонную плиту подо мною, и я поднял голову ко гиганту: я смотрел на него: смотрел онемевшими от боли и ужаса чёрными глазами, и: если бы мог я посмеяться: если бы мог я решить то безумие власти, которое теперь обрёл, я бы раздал град этот хохотом войны: хохотом ужаса, смешивающего человеческое мясо, страх и молитву во одной непригляднейшей безобразности смывающих с себя трупы овзаимными ударами взрывов обломков.

Я стоял: я стоял уверенно, хотя ураган продолжал сдирать с меня лоснящиеся громыханьем ногти и сворачиваемые белёсостями остений вособственных кожи, и во нескончаемости наступающих будто некоторою частью и из меня сил тех я медленную аккуратностию стяжаний овсех способностей низа костюма присел, и огрызевшиеся кошмарами клыки руки моей пробили верхнюю поверхность лифта, состоящегося из металлических пластин, и плесканиями рокочущих непрохождениями во наждаках реальностей сдвлений я сорвал пластину, и пластину эту я ударил во себя, и пластина эта надела на блоках, и так пластина сделала для переда моего броню, и во вихрях тех нескончаемых ещё трижды я сделал то же, и сомуровали меня негибкие толстые пластины металла, и ошевелил я руками и ногами своими, и порвались, подобно ветошной ткани, пластины во суставах моих, и теперь имел я броню, и более не срывал гигант с меня кости дуновениями взрывов освоих, и теперь двигался я: теперь бежал я против вихря, да вихрь этот: вихрь остановился, и гигант встал, и я: я раскатистыми, ударяющими во величественные проявления быстро пролетающих мимо домов бесконечности прыжками бежал к нему, перепрыгивая нажившиеся собственностию прокажающего распадающихся осторонностями отоовлекающихся надействительностями случающихся необходимости происхождений

привлечений кирпич разрушения здания: я рушил крыши своими шагами: я рушил град своим шагом, и мне было хорошо: едким, проходящимся только толстыми клубами пыли туманом я орезал слегка скоростию своей одно еле оменяющей пылью невоконченной проявлениями тонких случайных плетей ко местам настоящим и ко мне отне орозовевшие нити наростов поверхности своей костюм, и глаза мои: чёрные смертью глаза мои пробивались через узкие круглые щели маски, и обнажённым, оходящимся чуть вообновляющею внешности слоёв тех болью скальпом я надрывался во удовольствии, и пухли увдавшиеся о несточившиеся вооранжевшие клыки щёки мои во улыбке, и сдвляющейся опространёнными, приходящимися ко свивающимся нехрупкостию наделившихся оскоростями овершающихся невокажённостью правд тороплений объёмов ветрам узорами радужкой проходились отчего-то пространства подле меня: я представлял... я представлял, как решил спуститься с лифта в зал: я представлял, как снял костюм, залечил раны свои и использовал весь тот запас анестезии, что скопил скорее собирательною увлечённостью: я представлял это: я представлял это, и мне было смешно: мне было смешно от того, как подобные мысли могли родиться во силе моей, во могуществе, которым я сам себя нарёк: я сам... в отличие от горожан, ставших единственными внепоколенными гигантами... в отличие от зверей, превратившихся в чудовищ, преходящих ко северу, я... я сделал сам своё могущество: я... отчего-то я будто ознавал... отчего-то я словно получал нескончаемостями власти новые знания, и тела мои: тело становилось твёрже, и гиганты, получившиеся из человека, гордыни и неба, знали обо мне, и я всё о них знал.

Смешавшееся узорами воявившей о себя округлые, навёрённые неуказаниями светов серения крови железо стало моей кожей: сила моя озросла неграничностью ужаса гиганта, рот мой сплавился со гортани металлом, и глаза мои обрелись миндалевидными сияющими чёрными стёклами: рука моя отросла, и отросла она длинным, облитым острыми крючковатыми зубцами ганиве, и сливались силы мои со железом, и сила моя... мощи ног моих хватило, чтобы я мог допрыгнуть до гиганта, и я допрыгнул: я пронёсся сквозь рухнувшие гамом спепеляющейся собственностью немения материи дома, и во пустыне: во каменеющей плоти земель, распавшейся горящею, оставляющею громкоогласными окриками звуки рушаний града чернотой, сорванных гигантом, я увидел склонившегося ко коленям гиганта, и встал я: я, оставшийся изуродованным сиянием плоти, ставшей металлом, и металла, ставшего плотью, отказался от небес, и приклонивший опредо мною колено гигант не смотрел на меня, ибо... я знал: я знал, что он боится, и страх его был мне приятен: я имел и буду иметь несияющий, наколеющийся жарами уставленных накренениями Разрушения сплавлений человеческий рост, и предо мною склонятся подобные же омотовевшие непробиваемыми, сокрушающими взрывами поверхности теперь содрогающихся наполнениями

выделяющихся особенностями вродившихся уже после смирения со слабостию сил прокажаний земель камнями горы сил, и все горы эти будут бояться меня, ибо есть я Франц Железный, последний из первородных гигантов, повелитель первых гигантов, отец первых, вторых и третьих гигантов: и пустота: кривляющаяся возолотистым, проявленным перламутровыми, сменившимися оростаниями выдавленных сиюминутною нескорбию выродившихся из земли кругами заточивших здесь чуть одрогнувшего сломами бахнувших сияниями окрасневших горем небес звёздами сальфериновых улыбаний приявляющегося сменённостью надубевших пронзившимися ослоениями сменившегося овсего во ракуши тел преждночеловеческих холодами форм мира песков земель гиганта корон властью моею шпаг металлов яркими, пробивающими вношнестии белеющих всеоставностию венений оглядевшегося округ чёрного младенца и незримого гиганта мира блесков радугами эхом пустота шепотливых, разносящихся проожаниями сизоватых пятен оставляющего землю неба гулов города этого вдарилась разрезом моим; я рассёк гиганта, лес и море.

Когда же властью гигантов
Железом ставший человек
Раздал пыльцу, стеря свой контур,
Не стал влечинами; и грех
Влекал гигантов несвершенством,
Ведь те, что знали: долгий век
Ещё настанет: будет горе.
Гиганты стопчут небеса.